

Хирург для полка

Дмитрий Ставьев

Дмитрий

Хирург для полка

«Автор»

2026

Дмитрий

Хирург для полка / Дмитрий — «Автор», 2026

Артём Громов тридцать часов не отходил от операционного стола. Очнулся он в телеге с ранеными, под морозящим дождём, в теле двадцатилетнего фельдшера Савелия Нечаева, которого весь полк считает трусом и неумёхой. Вокруг империя, где раны лечат одной тряпкой на всех, а гной считают добрым знаком. Штаб-лекарь пьёт, интендант считает чужие бинты, а до выступления полка меньше двух недель. У Артёма нет ни антибиотиков, ни перчаток, ни диплома. Есть руки, которые помнят своё дело, мыло, котёл с кипятком и упрямый счёт: сколько людей умирает и сколько можно спасти. Полковник даёт ему восемь дней и двадцать коек. Если умрёт хоть один сверх обычного, фельдшера отдадут под суд. А потом начнётся война, и всё, что он успел придумать, придётся делать под огнём. Сможет ли хирург из другого времени доказать, что чистые руки сильнее людского сопротивления и не потерять себя среди чужих имён?

© Дмитрий, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Телега	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Хирург для полка

ХИРУРГ ДЛЯ ПОЛКА

Попаданец-хирург — книга первая

Дмитрий Ставьев

© Дмитрия Ставьев, 2026. Все права защищены.

Все персонажи и события этой книги вымышлены. Любое сходство с реальными людьми, местами и событиями случайно.

Оглавление

Глава первая. Телега

Глава вторая. Сарай на сто двадцать коек

Глава третья. Восемь часов

Глава четвёртая. Допрос

Глава пятая. Восемь дней

Глава шестая. Ночь Веры

Глава седьмая. Вода

Глава восьмая. Цифры

Глава девятая. Колёса

Глава десятая. Каменная Переправа

Глава одиннадцатая. Чёрный лоскут

Глава двенадцатая. Подполковник и двенадцать склянок

Глава тринадцатая. Параграф сорок седьмой

Глава четырнадцатая. Письмо из Крутиц

Глава первая. Телега

Последнее, что Артём Громов помнил, — потолок операционной палатки и кривое смеющееся солнце на нём. Санитар нарисовал его фломастером ещё весной, чтобы раненые, очнувшись, видели хоть что-нибудь весёлое. Тридцатый час на ногах. Артём присел на край каталки, чтобы дать коленям минуту.

Минута вышла длинной.

Потом его трясло. Трясло с хрустом и скрипом, с мерным чавканьем под колёсами, и в нос лезли запахи: мокрая шерсть, конский пот, дёготь, прелая солома. И ещё один, сладковатый и тяжёлый, который Артём узнал бы с закрытыми глазами. Так пахнет рана на третьи сутки.

Он открыл глаза.

Над ним качалось серое небо, из него сеялась морось. Сбоку торчала деревянная дуга, обмотанная мокрой верёвкой. Телега. Он лежал на соломе, а рядом, плечом к плечу, лежали ещё люди под тёмно-зелёными шинелями из грубого сукна. На шинелях тускло блестели медные пуговицы с чеканным гербом.

«Спокойно, — сказал себе Артём. — Сначала счёт».

Он всегда начинал со счёта. Дыхание: короткое, с присвистом. Пульс. Он поднёс руку к лицу, чтобы нащупать запястье, и остановился.

Рука была не его. Узкая, белая, с обгрызенными ногтями и чернильным пятном на среднем пальце. Его собственные ладони, широкие, в белых ниточках старых порезов, куда-то делись. Эта рука подошла бы переписчику, а не хирургу.

Пульс на чужом запястье он всё-таки сосчитал. Девяносто с хвостиком, слабый. Сердце колотилось не от страха. Тело было хилое и привыкло бояться.

— Очнулись, Савелий Платоныч? — Голос сверху, хриплый, добродушный. На облучке горбился мужик в армяке, с кнутом и мокрой бородой. — А я уж думал, опять васхватило, как тогда, в сениях.

«Савелий Платоныч». Артём отложил имя в сторону, как откладывают анализ, который придёт позже.

— Где мы? — спросил он. Голос вышел тонкий, надтреснутый. Артём поморщился. Он привык к другому, к баритону, которым гонял ординаторов.

— Известно где, на Лозовском тракте. До лагеря вёрст пять. Дорога — каша, кобыла ленится. Сумку-то поправьте, съехала.

Через плечо у него висела кожаная сумка с медной пряжкой, вытертая до белизны на углах. Он заглянул внутрь, не поднимаясь. Ножницы с тупыми концами. Моток полотна. Скланка, пахнущая уксусом. Две ржавые иглы, воткнутые в кусок сукна. Огрызок чернильного карандаша. И часы-луковица на цепочке, со стеклом, треснувшим наискосок. Без двадцати три.

Он запомнил время. Потом прислушался.

Рядом, под шинелью, кто-то дышал часто и мелко, как собака в жару. Артём приподнял край сукна. Бородатый парень лет тридцати лежал серый, как мешковина, с мокрыми от пота висками. Левая нога была замотана тряпьем выше колена, а поверх тряпья шла верёвка, завязанная бантиком. Таким бантиком стягивают мешок с овсом.

Солома под ногой была не рыжая, а чёрная и блестящая.

— Стой! — сказал Артём.

— Чего?

— Лошадь стой!

Мужик натянул вожжи скорее от удивления. Телега встала. Морось зашуршала по шинелям.

— Как звать? — Артём подполз к раненому на коленях. Колени подчинялись плохо.

— Корнеев... сапёр... — Губы у парня были белые. — Ваше благородие, ногу не режьте. Христом-богом.

— Не буду. Что случилось, когда?

— Фашины рубили в леске. Товарищ топором, не со зла, скользнуло. Крови было... Фельдфебель кричит: затягивай, затягивай! Мы и затянули. Туго, дальше некуда.

Артём размотал бантик. Нога под верёвкой была синяя и раздутая, как бурдюк. Он отлепил слипшееся тряпье, и из раны в бедре толкнулась кровь. Алая, пульсирующая, в такт сердцу.

Всё было понятно с первого взгляда. Верёвка пережимала мягкие ткани и вены, а артерию, глубокую и упругую, не брала. Кровь входила в ногу и не могла выйти, нога наливалась, а рана сочилась. Парня держали на краю с самого утра, и ещё полчаса такой дороги он не проехал бы.

Артём упёр два пальца в паховую складку и надавил. Струя в ране захромала и стала слабее.

— Эй, борода! Как тебя?

— Архип... Гуляев.

— Архип, ремень снимай, свой. Мой тонкий, не годится. И кнутовище дай.

— Это зачем?

— Затем, что ему ногу спасти. Живо.

Он сам не узнал свой голос. Тонкий, чужой, но интонация была та самая, которой он останавливал реанимационную бригаду, когда та пыталась идти не туда. Архип полез за ремнём, не споря.

Ремень лёг высоко, в самую паховую складку, выше раны. Артём затянул петлю, продел кнутовище и закрутил. Сапёр взвыл и вцепился зубами в рукав шинели. Кровь из раны сделала ещё три слабых толчка и остановилась. Нога под ремнём стала белеть.

— Больно, знаю, — сказал Артём. — Потерпи. Это боль, с которой живут.

Он вытащил часы. Без восемнадцати три. Достал карандаш, оторвал полоску полотна и написал: «2.42». Привязал её к ремню.

— Это зачем? — спросил Архип. Он стоял над ним, сжимая в кулаке штаны, которые теперь приходилось придерживать.

— Чтобы лекарь в лазарете знал, сколько нога без крови. Дольше двух часов нельзя. Доедем?

— Доедем... вёрст пять, час с небольшим. — Архип помялся. — Савка. Савелий Платоныч. Вы чего это?

— Чего?

— Вы ж крови боялись. На прошлой неделе у кузнеца обмерли от царапины на пальце. Господи, Савка, сколько народа-то смеялось.

Артём посмотрел на свои руки. Узкие, белые, в красных пятнах. Они не дрожали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.